

В автобусе пахло куриным помётом.

Открыть окно было нельзя: снаружи лил проливной дождь.

Минь Хуэй стало трудно дышать, и ей пришлось прижаться лицом к стеклу, пытаясь вдохнуть хоть немного свежего воздуха через щель в раме.

В этот момент автобус остановился, двери распахнулись, и водитель прокричал:

— Приехали в Лотан! Стоянка десять минут. Туалет рядом с пристанционным киоском. Кому нужно — выходите скорее!

В салоне поднялся шум.

Автобус проехал по разбитой горной дороге больше четырёх часов, успел один раз въехать кому-то в зад, дважды пробить колесо и едва не угодил под оползень. То, что он вообще не развалился, было чудом. Пассажиры вымотались до предела, больше половины поднялись со своих мест — кто-то выходил, кто-то хотел просто размять ноги. Все толпились в проходе.

Так называемый туалет был настолько грязным, что ступить туда не представлялось возможным, поэтому Минь Хуэй решила не тратить время. В открытую дверь ворвался свежий воздух, а вместе с ним — сырость дождя и горная прохлада. Минь Хуэй невольно чихнула и уже собралась закрыть глаза, чтобы немного подремать, как сидевшая рядом девушка вдруг встала и слегка подтолкнула её:

— Эй, я хочу сходить в туалет, присмотрите за моей сумкой? — она указала на клетчатую брезентовую сумку у своих ног.

Минь Хуэй кивнула.

— И вот эту тоже, — девушка сняла с плеча небольшой нейлоновый рюкзачок и сунула ей в руки. — Тут самое ценное.

— ...

— Спасибо! — Девушка ослепительно улыбнулась и, не дожидаясь ответа, накинула жёлтую ветровку и растворилась в толпе выходящих пассажиров.

Минь Хуэй ошеломлённо смотрела на удаляющуюся жёлтую спину. Она была с этой девушкой совершенно незнакома, и хотя они сидели рядом, за всю дорогу не перекинулись ни словом. Вот так запросто доверить свои вещи первому встречному — это надо быть человеком с очень широкой душой.

Рюкзачок был набит до отказа, молния с трудом сходилась, казалось, вот-вот лопнет. Девушке на вид было чуть больше двадцати, судя по одежде — работяга, может, там были все её сбережения. Минь Хуэй не посмела расслабиться и крепко прижала сумку к себе.

За окном стоял мрак, дождь с грохотом барабанил по крыше. В такой ливень зонты были

бесполезны: пассажиры, волоча багаж, бежали к зданию станции, словно перепуганные крысы.

Каждый раз, возвращаясь в Аньпин, Минь Хуэй проезжала через Лотан. За десять с лишним лет киоск ничуть не изменился: крошечный домик под черепичной крышей, который почему-то гордо именовался Восточный супермаркет. Под навесом всё так же дремали две жёлтые собаки, а огромный котёл с маринованными яйцами был закопчён до черноты. На плетёном кресле перед телевизором неизменно сидела хозяйка, а услужливо зазывал клиентов всегда хозяин. Несмотря на глушь, торговля шла бойко. Полки, заваленные разноцветными пачками лапши быстрого приготовления, пустели на глазах.

Мимо окна прошёл низкорослый мужчина. На его руке красовалась татуировка огромного синего дракона — зубастого и пугающего. Минь Хуэй задержала взгляд на драконе чуть дольше, чем следовало. Мужчина тут же почувствовал это, поднял голову, яростно зыркнул на неё и показал средний палец.

Ох...

Иногда чувствуешь себя таким беспомощным. Ты не можешь запретить себе вторгаться в чужие жизни, даже если это всего лишь случайный взгляд. И не можешь запретить другим судить о тебе по своим привычкам, даже если правда совсем в ином.

Минь Хуэй невольно подумала: сколько людей вспомнят о ней после сегодняшнего дня? Во многих ли историях она будет упомянута? Сколько сожалений возникнет из-за того, что её не стало?

Девушка вскоре вернулась и протянула ей бутылку холодного чая.

— Не нужно, — Минь Хуэй не взяла. — Я не хочу пить.

Девушка не отступила и протянула пакет с чем-то коричневым:

— Бетель, будешь?

— Нет, спасибо.

— Возьми, — девушка насильно вложила бутылку ей в руку. — На улице такая жара, пригодится. Только из холодильника, можешь к глазам приложить.

Последнюю фразу она произнесла вполголоса, слегка наклонив голову. Минь Хуэй мельком взглянула на своё отражение в стекле: глаза действительно были красными и опухшими.

— Правда, не надо, — она вежливо, но твёрдо вернула бутылку, достала из сумки солнечные очки и надела их.

Девушка замерла, прикусила язык и следующие полчаса не проронила ни слова.

Так было лучше.

Когда Минь Хуэй только села в автобус, соседнее кресло пустовало. Она не помнила, когда именно под села эта девушка — наверное, спустя час после отправления, и не знала, с какой остановки она взялась. Всё это время Минь Хуэй смотрела в окно на далёкие горы, а когда обернулась — рядом уже кто-то сидел.

Долгая дорога клонила в сон, время в автобусе тянулось невыносимо медленно. Девушка же, напротив, фонтанировала энергией: раз пять пыталась завязать разговор. Но Минь Хуэй не хотела общаться: либо отрезала односложными фразами, либо встречала собеседницу холодным взглядом, а в конце концов просто воткнула наушники, делая вид, что слушает музыку, и полностью отгородилась от мира.

Беспричинная любезность — это почти всегда сетевой маркетинг. Наверняка хочет что-то впарить, может, тот же бетель.

Вскоре у её уха зазвучал оживлённый разговор. Девушка наконец переключила внимание на пожилую женщину с соседнего ряда. Они разговорились на местном диалекте, тон становился всё выше, темп речи — всё быстрее. Дойдя до самой интересной части, они дружно рассмеялись, а потом и вовсе начали вместе лузгать семечки.

В автобусе и так было шумно: на задних рядах ехала группа школьников в спортивных костюмах, видимо, направлявшихся в областной центр на соревнования. Они шумели всю дорогу без умолку. По сравнению с ними смех девушки был даже не слишком громким, можно сказать, приятным, но для измученной Минь Хуэй он превратился в визжащую дрель. Казалось, ей делают трепанацию черепа, и даже вены на висках дёргались в такт этому смеху.

Наука утверждает, что младенцы смеются по четыреста раз в день, а взрослый человек, который смеётся двадцать раз в день, считается невероятно счастливым. Минь Хуэй не смеялась уже очень давно. Месяца три, наверное. Да что там не смеялась — у неё была аллергия на смех. Когда хочется плакать, нет сил притворяться весёлой, даже уголки губ поднять — уже подвиг.

Минь Хуэй с силой растерла виски и мысленно выругалась: Женщина в жёлтой ветровке, ты можешь заткнуться? Как же ты надоела.

Дождь за окном усилился, видимость упала до десяти метров. Автобус выехал со станции и продолжил путь по извилистой горной дороге. Навстречу неслись лишь размытые тени деревьев и клубы тумана. Водитель же вёл машину с пугающей уверенностью: не только не сбавлял скорость, но и при встрече с другими машинами внезапно сигналил или резко перестраивался. Дорога была сплошь в рытвинах, пассажиров швыряло из стороны в сторону. После особенно сильного толчка кто-то на переднем сиденье не выдержал и начал рвать. Сосед не успел увернуться, его забрызгало, и он начал громко возмущаться. Того, кого стошнило, это задело, и он начал огрызаться. Началась перепалка, и, если бы их не разняли, дело дошло бы до драки.

<http://bllate.org/book/18940/1856059>